

Publishers, 1995, p. 15-16; Manfred Novak. Introduction to the International Human Rights Regime. Leiden/Boston, 2002, p. 36.

3. Malcolm N. Shaw. International law. Fifth edition. Cambridge University Press, 2003, p. 124.

4. Черниченко С. В. Теория международного права / С. В. Черниченко. – В 2-х т. Т. 1: Современные теоретические проблемы. – М.: Изд-во «НИМП», 1999. – С. 147.

5. Тункин Г. И. Теория международного права / Г. И. Тункин. – М.: Междунар. отношения, 1970. – С. 11.

6. Лукашук И. И. Конституции государств и международное право / И. И. Лукашук. – М.: Спарк, 1998. – С. 11.

7. Шумилов В. М. Международное экономическое право / В. М. Шумилов. – М., 1999. – С. 398-399.

8. Валеев Р. М. Контроль в современном международном праве / Р. М. Валеев. – Казань, 2001. – С. 141.

9. Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: НОРМА, 2003. – С. 136.

10. Human rights in international law. 2nd edition. Basic texts. Strasbourg Cedex, 2000, p. 493-520.

11. Гусейнов Л. Г. Международные обязательства государств в области прав человека / Л. Г. Гусейнов. – Баку, 1998. – С. 8.

12. Международное право / под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. – М., 2006. – С. 310; Международное право / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. – М.: Норма, 2006. – С. 455.

УДК 341.4

Асланов Эльнур Закир оглы, преподаватель,
Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан

ГИБРИДНЫЕ СУДЫ И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Одним из наиболее интересных тенденций в области международного уголовного права в конце 1990-х и начале 2000-х годов является появление «третьего поколения» органов уголовного правосудия (Нюрнбергские и Токийский трибуналы быть первым, и МТБЮ, МТР и МУС является второе поколение), которые называются гибридные уголовные органы. В. Л. Толстых и А. Г. Волеводз подчеркивают основные и отличительные особенности гибридных судов как новых институтов правосудия: легитимность на международном уровне и на национальном уровне; процессуальная эффективность, обеспечиваемая за счет смешанного состава судей, тесной связи с национальными правоохранительными органами, близости к социальной среде; положительное влияние на национальную правовую систему за счет введения в нее международных процессуальных и материально-правовых

стандартов; близость к населению затронутых государств, неподверженность влиянию местной либо международной политической конъюнктуры [4, с. 114-115; 1].

По мнению А. Кости, гибридные трибуналы стремятся исправить недостатки международных трибуналов, с одной стороны, и национальные суды, с другой стороны. Они включают в себя национальные законы, судей и прокуроров, которые вносят свой вклад в развитие потенциала судебной системы и правовой системы, в том числе международные нормы и персонал, придающий легитимность, ресурсы, опыт и технические знания [5, с. 12]. Кроме того некоторые авторы считают что определение «смешанный (гибридный)» применяется к этим органам международного уголовного правосудия в силу целого ряда причин, основными из которых являются следующие:

— Во-первых, порядок их деятельности и юрисдикция определяются совокупностью норм международного права и внутригосударственного права.

— Во-вторых, материально-правовая основа правосудия, осуществляемого такими судами, является «смешанной»: применимое этими судами право включает нормы как международного, так и внутригосударственного уголовного права.

— В-третьих, эти судебные органы имеют смешанный состав судей, обвинителей, следственных судей, административного персонала, который включает не только представителей государств суда, но и международных (иностраных) участников уголовного судопроизводства.

— В-четвертых, соглашениями об их учреждении допускается возможность приглашения со стороны защиты, как национальных адвокатов, так и международных (иностраных) защитников. В-пятых, в качестве основанных на договоре органов, смешанные суды не привязаны ни к какой существующей правовой системе.

— В-шестых, эти судебные органы обладают смешанной (гибридной) внутригосударственной и международной правоспособностью.

— В-седьмых, с учетом смешанного (гибридного) характера учреждения и деятельности эти специальные судебные органы не входят в судебную систему государств, для которых они созданы, а являются т. н. «внешними» судами [3, с. 43-45].

Учитывая тенденцию создания в будущем смешанных (гибридных) форм международного уголовного правосудия на универсальном и региональном уровнях, А. Р. Каюмова предлагает разработать и принять в рамках ООН международные стандарты по организации смешанного уголовного судопроизводства в виде Типового соглашения международной организации (ООН или региональной по смыслу Устава ООН) с заинтересованным государством об учреждении судебного органа со смешанной юрисдикцией и Типового устава судебного учреждения

смешанного типа. В то же время, она подчеркивает, что модель гибридной уголовной юрисдикции может быть востребована не только в отношении массовых и грубых нарушений норм международного гуманитарного права, но также и в иных случаях, например, в борьбе с пиратством или преступлениями международного терроризма [2, с. 30].

Целесообразно проанализировать гибридные суды, как следующим образом:

1) *Гибридные трибуналы как составная часть национальной судебной системы (например, Косово, Восточный Тимор)*. Совет Безопасности ООН создал Миссию Организации Объединенных Наций в Косово (МООНК), которая стояла грандиозная задача по восстановлению инфраструктуры региона и восстановление законности и правопорядка в 1999 году. Гибридные панели также создали возможности для взаимного обмена мнениями и лучшие практики между судьями из различных правовых систем.

Под эгидой ООН референдума 1999 года дал народу Восточного Тимора, бывшей португальской колонии под индонезийской оккупации с 1975 года, возможность осуществить свое право на самоопределение. На основе прецедента МООНК, она создала Временную администрацию Организации Объединенных Наций в Восточном Тиморе (ВАООНВТ), чтобы взять на себя общую ответственность за административное управление в Восточном Тиморе, эффективно функционировать в качестве основного органа, пока Восточный Тимор не стал независимым от 20 мая 2002 года. ВАООНВТ создала следственную Группу по тяжким преступлениям (SCIU) расследовать и преследовать в судебном порядке «серьезные преступления» перед Специальной группой экспертов по тяжким преступлениям в окружном суде Дили, состоящих из трех судей (в том числе 2 международных судей). «Серьезные преступления» были определены как военные преступления, преступления против человечности и геноцид, а также убийства, преступления на сексуальной почве, а также пытки, поскольку последние три преступления были совершены в период с 1 января 1999 года и 25 октября 1999 года. Обвинители и следователи были взяты изнутри, а также за пределами Восточного Тимора. Специальная группа только рассмотрела общие убийства и изнасилования, совершенные в 1999 году, не в состоянии решать подобные преступления не совершенные с момента индонезийского переворота в 1975 году до 1998 года.

2) *Гибридные трибуналы в качестве отдельного органа (например, Специальный суд по Сьерра-Леоне)*. С момента обретения независимости в 1961 году, Сьерра-Леоне была политически нестабильна и экономически слабой. В 1991 году Объединенный революционный фронт (ОРФ) попытались свергнуть правительство. В результате конфликта между повстанцами и правительственными войсками некоторые преступления

(например, систематическое изнасилование, сексуальное рабство, использование детей-солдат и т.д.) были совершены, а также конфликт унес 75 000 человеческих жизней, и причинили перемещения треть населения. В августе 2000 года Совет Безопасности просил Генерального секретаря заключить соглашение с правительством Сьерра-Леоне о создании независимого специального суда. В начале 2002 года правительство Сьерра-Леоне и ООН подписали соглашение о создании Специального суда по Сьерра-Леоне (СССЛ). В соответствии с Уставом, Суд обладает юрисдикцией в отношении лиц, несущих наибольшую ответственность за серьезные нарушения международного гуманитарного права и законодательства Сьерра-Леоне, совершенные на территории Сьерра-Леоне с 30 ноября 1996 года. Если в Косово и Восточном Тиморе, МООНК и ВАООНВТ были ответственны за создание и управление гибридного процесса в рамках существующих судебных систем, СССР устанавливается с согласия полностью функционального национального правительства и осуществляет свою деятельность за пределами национальной судебной системы.

3) *Гибридные трибуналы с ограниченным международным участием (например, Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи)*. С апреля 1975 года по начало января 1979 года, почти четверть населения Камбоджи погибли в результате нарушений прав человека и других зверствах, которые были совершены правящего режима красных кхмеров. После смены власти, камбоджийский парламент принял закон в 1994 году о запрете красных кхмеров в качестве организации, но обеспечивая иммунитет от уголовного преследования членов красных кхмеров, которые перешли к правительственным силам. Переговоры между ООН и Камбоджи продолжала с формулировкой в июле 2000 года проекта Меморандума о взаимопонимании (МОВ), предусматривающий национальный суд с ограниченным международным участием.

Камбоджийский парламент в 2001 году был принят Закон об учреждении чрезвычайных палат в судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии (Закон о чрезвычайных палат). Соглашение регулирует правовое сотрудничество между ООН и Камбоджи и должна быть реализована в Камбодже через Закон о чрезвычайных палатах. Соглашение устанавливает двухуровневую систему чрезвычайных палат, созданных с помощью камбоджийского законодательства: Судебная палата (в составе пяти судей, в том числе двух международных судей) и Палата Верховного суда (в составе семи судей, в том числе три международных), выступающих в качестве высшей апелляционной инстанции.

Юрисдикция палат ограничена во времени и объема. Во-первых, только преступления, совершенные во власти красных кхмеров от 17 апреля 1975 года до 6 января 1979 г. было предусмотрено. Во-вторых,

будут преследоваться только высшие руководители Демократической Кампучии и тех, кто несет наибольшую ответственность за преступления, подпадающие под юрисдикцию палат. Юрисдикция Чрезвычайных палат распространяется на серьезные нарушения камбоджийского уголовного права, международного гуманитарного права и обычаев, нарушения международных конвенций, признанных Камбоджей, которые были совершены в период с 17 апреля 1975 года по 6 января 1979 года. Это включает в себя преступления против человечности, военные преступления, геноцид, а также некоторые преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Камбоджи 1956 года (убийство, пытки и преследования за религиозные убеждения).

Важно отметить, что при участии коллегиальном взаимодействии, в гибридных судах международные субъекты имеют возможность получить более высокую чувствительность к вопросам местного значения, местной культуры и местных подходов к правосудию, в то же время, что местные участники могут узнать из международными субъектами [6, с. 1070].

Роль и влияние смешанных судов в обеспечении справедливости и мира, является сложным, в зависимости от политических, социальных и правовых факторов. Кроме того, смешанный состав гибридных судов дает им способность лучшего понимания ситуации, а также нейтралитета. Национальные судьи и прокуроры больше привыкли с местным законодательством и менталитетом и международные члены более склонны быть объективными в связи с конфликтом.

Литература

1. Волеводз А. Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе / А. Г. Волеводз // Вестник МГИМО. – 2009. – № 2. – С. 55-68.

2. Каюмова А. Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы и практики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / А. Р. Каюмова. – Казань, 2016. – 39 с.

3. Охлопкова А. С. Влияние органов международного уголовного правосудия на уголовное судопроизводство Российской Федерации / А. С. Охлопкова // Наука и мир. – 2016. – № 8. – С. 43-45.

4. Толстых В. Л. Гибридные суды как элемент международного правопорядок / В. Л. Толстых // Вестник НГУ. Серия Право. – 2012. – Том 8. – Вып. 1. – С. 114-124.

5. Costi A. Hybrid tribunals as a valid alternative to international tribunals for the prosecution of international crimes // Human Rights Research Journal, 2005, No 3, pp. 1-26.

6. Dickinson L. The relationship between hybrid courts and international courts: The Case of Kosovo // New England Law Review, 2003, Vol. 37, Issue 4, pp. 1059-1072.